

А.В. Никитенко:
русский либерал - наследник петровских реформ

В.К. Кантор

1. Чем интересен для русской культуры профессор Никитенко?

Менее всего наши современники, даже ищущие в русской истории корни отечественного либерализма вспоминают профессора Александр Васильевич Никитенко (1804-1877). Общался с крупнейшими политиками и писателями, но сам не политический деятель, не великий философ или писатель, ординарный академик по Отделению русского языка и словесности, даже и литературовед не очень-то выдающийся, так, третьего разряда. В 1868 г. он записывал в дневнике: «Ко мне пристали, чтобы я указал все мои сочинения. Я было решительно этому воспротивился, так как сам я мало уважаю собственные писания, и если бы их позабыли другие, как позабыл их я сам, то, право, не огорчился бы этим»¹. Однако есть люди, остающиеся в истории как яркие звезды совсем не благодаря той деятельности, которая была у всех на виду, а наоборот тем, что делалось для души, наедине с самим собой, где человек был абсолютно свободен. Так великий Петрарка всю жизнь писал на латыни эпическую поэму «Африка», думая, что она прославит его в веках, но остался в мировой культуре как автор сонетов, формы небольшой и интимной да к тому же написаны сонеты были на «простом итальянском». Такими сонетами оказался для профессора Никитенко его дневник, опубликованный через одиннадцать лет после его смерти его дочерью С.А. Никитенко с помощью И.А. Гончарова. Сначала печатался «Дневник» в «Рус-

---

¹ *Никитенко А.В.* Дневник. В 3-х т. Л.: ГИХЛ, 1955-1956. Т. 3. С. 119. В дальнейшем все ссылки на это издание даны в тексте.

ской старине» (1888-1892), затем вышло отдельное издание (1893). Надо сказать, что издание дневника Никитенко стало событием общественной жизни. Тихий профессор оказался зорким, злым наблюдателем российской действительности, которую он оценивал с точки зрения классического либерала, тем более классического, что ему не приходилось приспособлять свои записи к сиюминутной конъюнктуре.

«Интерес, который вызывает “Дневник” Никитенко у советского читателя, - лукаво написал советский издатель этого потрясающего документа И.Я. Айзеншток, - менее всего обусловлен личностью самого Никитенко»². Меж тем история жизни этого русского профессора-либерала - почти роман. Отец его был певчим из капеллы знаменитого мецената графа Шереметева, затем, оставаясь крепостным, с благословения барина становится учителем. Его сын, тоже крепостной, но с неумной жадой к учебе, выучивается грамоте, кончает Воронежское уездное училище, но поступить в университет, о котором мечтал, не мог, туда принимали только лиц свободного состояния. Он пишет письмо в Петербург с просьбой помочь ему выйти из крепости, но без успеха. Однако упорства и жизненной цепкости у молодого Никитенко было с избытком. И юноша становится одним из руководителей отделения Библейского общества в городке Острогожске Воронежской губернии. О нем узнает князь А.Н. Голицын, министр духовных дел и народного просвещения, который вызывает юношу в Петербург. В столице Никитенко знакомится с поэтом Рылеевым, который поднимает шум, возмущаясь крепостным состоянием высокообразованного молодого человека, и благодаря взволновавшемуся общественному мнению в только появившемся в России гражданском обществе, помощи поэта В.А. Жуковского 20-летний юноша получает вольную и поступает в университет. Далее - общение с декабристами, А.С. Пушкиным, Ф.И. Тютчевым, В.П. Боткиным, А.К. Толстым, который всегда приглашал его слушать свои новые произведения. В 1834 г. Никитенко назначается экстраординарным профессором по кафедре русской словесности Санкт-Петербургского университета. Там в 1836 г. он защитил докторскую диссертацию: «О творящей силе поэзии, или о поэтическом гении». Нельзя не упомянуть и еще об одной его деятельности: с 1833 по 1848 гг. он цензор при Санкт-Петербургском цензурном комитете.

Нельзя забывать, что именно ему принадлежит спасение «Мертвых душ», зарубленных московской цензурой, так же спас он и «Антон-Горемыку» Григоровича. Затем совместное правление - на раннем этапе - вместе с Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым журналом «Современник», руководство диссертацией Н.Г. Чернышевского, дружба с И.А. Гончаровым, общение с Александром II, с М.Н. Катковым, с самыми высшими кругами петербургского чиновничества, профессорство в Санкт-Петербургском университете. Его особую позицию среди всех деятелей либерально-европеистской ориентации отмечали с доброжелательством даже идейные противники. Уже в 1847 г. Ю.Ф. Самарин писал в полемической своей статье: «Г-н Никитенко в современной литературе – лицо довольно замечательное. Он стоит особняком ото всех и значит в ней сам по себе. Ни одна литературная партия не может назвать его вполне своим. Систематического воззрения на предметы он не имеет, может быть, и не добивался, зато он не закабалил себя ни одному из недолговечных мнений, случайно образующихся в наших литературных кругах и так же случайно исчезающих. Его деятельность такова, что он никогда не будет иметь влияния на других; зато он сохранил в себе добродушное беспристрастие и уберется от исключительности. Он пишет редко и немного. Теоретические соображения его почти всегда слабы и бесцветны; но его личные впечатления почти всегда останавливают на себе внимание. Иногда он предлагает за новость, за открытие старую, давно известную или даже покинутую мысль; зато иногда, говоря о предмете близком, всем известном, он неожиданно открывает в нем новые стороны или так оригинально и метко обозначает уже известное, что слова его врезаются в память»³. Слова во многом точные, даже угадывающие. Не забудем и того, что при всех своих прогрессистских симпатиях бывший крепостной мальчик кончил жизнь академиком и тайным советником. Судьба по-своему фантастическая, стоящая легенды об американской мечте. Петровский Табель о рангах и впрямь способствовал оживлению высшего сословия.

Любопытно, однако, как сам он понимал свой генезис: откуда взялось на Руси образованное либеральное общество? Никитенко в этом вопросе оставался тверд до глубокой старости. 30 мая 1872 г. знаменитый профессор записал в

---

² Айзеншток И.Я. Дневник А.В. Никитенко // Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. С. VI.

дневник: «Сегодня в Петербурге празднуется двухсотлетие со дня рождения Петра Великого. Это действительно праздник. Без Петра Великого Россия и теперь еще гнила бы в своей гнусной апатии и совсем исчезла бы под натиском таких солдат, как Карл XII и Наполеон» (3, 241). Конечно, Никитенко – деятель, рожденный Петровской империей, принимавший все, что отвечало ее духу, и переживавший как личную трагедию отход от петровских принципов.

И вот посмертно опубликован в «Русской старине» дневник академика...

2. Римский стоик

Наибольший интерес вызвали те страницы, которые были посвящены николаевскому царствованию. За эти страницы их автор удостоился самых высших похвал. Скажем, Мережковский даже сравнил петербургского профессора с великим римским историком: «Никитенко - не Тацит; но иные страницы его напоминают римского летописца, может быть, оттого, что нет во всемирной истории двух самовластий более схожих по впечатлению сумасшествия, которое производит низость великого народа. Ибо что такое самовластье, возведенное на степень религии, как не самое сумасшедшее из всех сумасшествий?»⁴. Именно здесь мы сталкиваемся с удивительной летописью жизни образованного и высшего общества России летописью ироничной, точной, памятливей и аналитически точной.

Наиболее язвительные страницы дневника посвящены николаевской эпохе. Но интерес не пропадает и в описании событий царствования Александра II. Так знаменитый историк общественной жизни Мих. Лемке практически на этом «Дневнике» построил свое классическое исследование «Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов» (СПб., 1904). Характерно, что этот интерес связан прежде всего с тем, как решаются и преодолеваются деспотические порядки, утвердившиеся в годы правления Николая I.

Что же это были за годы? Это был очевидный современникам антипетровский переворот, совершенный после декабристского восстания Николаем I, направленный против западноевропейского просвещения и образования, отча-

---

³ Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника», исторических и литературных // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М.: Московский философский фонд, РОССПЭН, 1996. С. 444.

⁴ Мережковский Д.С. Свинья Матушка // Мережковский Д.С. Больная Россия. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. С. 173.

янная и довольно успешная попытка удержать Россию в неподвижности, огражденной от живой жизни Запада. В своем публичном университетском выступлении в 1838 г. Никитенко попытался как-то примирить пафос Петра Великого с националистическими устремлениями Николая: «Гений Петра, свыше помазанный на великое творчество, созидая новые судьбы народа, черпал для них стихии там, где они были, - в общих избытках человечества. Мы продолжали черпать их, пока укрепились их силою и не возросли для жизни высшей и вместе самобытной. Закон природы выполнен. Следовало угадать минуту, в которую России надлежало начать жить собою и в себе. Угадать эту минуту не было делом ума обыкновенного; немного раньше мы могли бы пойти назад; позже мы могли бы подвергнуться недугам, столько же тяжким, сколько и чуждым нашей природе. Но эта минута угадана; дело Петра довершено, России возвращается Россия. Уже по твердой самодержавной воле великого Зодчего передвигаются колеса необъятной государственной машины, устанавливаются новые пружины, творение Петра организуется, приводится к единству естественного национального начала»⁵.

Между тем «моровой полосой» назвал Герцен тридцатилетие николаевского правления: «Человеческие следы, замеченные полицией, пропадут, - писал он об этом времени, - и будущие поколения не раз остановятся с недоумением перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли»⁶. Строго говоря, спасавший роман Гоголя, переживавший как личную трагедию катастрофу, наступившую после публикации первого чаадаевского «Философического письма», Никитенко все прекрасно понимал. О чем и свидетельствует его дневник. В нем нет примиряющих нот. В конце 1847 года, когда грянули громы над литературой и искусством, удрученный окружающей обстановкой профессор Никитенко писал в дневник: «Жизненность нашего общества вообще хило проявляется: мы нравственно ближе к смерти, чем следовало бы, и потому смерть физическая возбуждает в нас меньше естественного ужаса» (I, 308). Называя николаевскую Россию Сандвичевыми островами, Никитенко в 1848 г. писал: «На Сандвичевых островах всякое поползновение мыслить, всякий благородный порыв, как бы он ни был скромн, клеймятся и обрекаются гонению и

---

⁵ *Никитенко А.В.* Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу Всероссийскому, Отцу Отечества // *Петр Великий: pro et contra.* СПб.: РХГУ, 2003. С. 154.

гибели. И готовность, с какою они гибнут, ясно свидетельствует, что на Сандвичевых островах и не было в этом роде ничего своего, а все чужое, наносное» (1, 315). Хуже прочих было вступающим в жизнь молодым писателям, мыслителям, поэтам. В их житейском опыте не имелось соперничества государству в его попытках либерально-европейского развития России. Сразу же их деятельность по просвещению страны оказывалась под запретом. Вспомним хотя бы смертный приговор петрашевцам и Достоевскому, приговоренному «к смертной казни расстрелянием» за чтение вслух письма одного литератора другому (Белинского - Гоголю). Ссылки, каторга, солдатчина - вот что ждало многих. И выстоять доводилось не всем, но *только тем, кто имел собственную меру происходящего, опирался на реальные базовые ценности европейской культуры с ее ценностью личности, идеей правового сознания*. И умел эти ценности сохранить в своей душе. Именно таким себя видел Никитенко: «Я хотел содействовать утверждению между нами владычества разума, законности и уважения к нравственному достоинству человека, полагая, что от этого может произойти добро для общества. Но общество на Сандвичевых островах еще не выработалось для этих начал: оно слишком для него отвлеченно; оно не имеет вкуса к нравственным началам; вкус его направлен к грубым и пошлым интересам. В нем нет никакой внутренней самостоятельности: оно движется единственно внешнею побудительною силой; где же тут место разуму, законности?..» (1, 317).

Оставалась позиция, близкая позиции римских стоиков. Выстоять, несмотря на сумасшествие мира. *Мы часто забываем о том, сколько внутренней стойкости и непреклонности должны были иметь русские либералы, чтобы выдержать жизнь на Сандвичевых островах и не сломаться*. Вся их жизнь - отстаивание ценностей, непривычных и почти немыслимых в этой стране. О либералах николаевской эпохи даже ненавидевший либералов К.Н. Леонтьев нашел хорошие слова: «В 30-х и 40-х годах только консерваторы пользовались уважением; только они делали карьеру и составляли себе состояние. Либералы в то время казались или слишком опасными или смешными. *В то время, чтобы быть либералом, действительно нужно было мыслить* (правильно или нет – это другой вопрос), ибо среда не благоприятствовала либерализму. Тогда либерализм не был ни дешевым фрондерством земского деятеля против губернатора,

---

⁶ Герцен А.И. Соч. В 30-ти т. Т. IX. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 35.

ни жестокостью мирового судьи к старой помещице, выведенной из терпения слугами, ни фразами адвоката в защиту бунтующей молодежи, ни завистливой оппозицией "белого" священника монаху-епископу и т.д. Тогда либерализм был *чувством* личным и живым; он был тогда *великодушным*, во многих случаях – отвагой»⁷. И это оценка, которой русский либерализм достоин.

3. Противостояние деспотизму

Быть либералом - это означало неустанное сопротивление косному жизненному материалу, преодоление препятствий, не покладая рук. Если хотите - это теория малых дел, которая была русским вариантом протестантской этики, этики труда: «Жить не значит предоставить лодке плыть по течению, а значит неусыпно бодрствовать у руля. Кто умеет плавать, тот спасается, даже если лодка опрокидывается, а кто не умеет, тот тонет» (1, 349), - писал Никитенко.

А бодрствовать стоило. Когда московская цензура запретила «Мертвые души», Гоголь через Белинского передал рукопись В.Ф. Одоевскому в Петербург. После некоторого промедления и неудачных попыток держателей рукописи добраться до «верхов» рукопись попала к петербургскому цензору — западнику и либералу Никитенко. Никитенко осмелился дать разрешение на публикацию гоголевской поэмы. Стоит привести слова крупнейшего нашего специалиста «по Гоголю» Ю.В. Манна, подробно рассказавшего (в своей книге «В поисках живой души») о судьбе «Мертвых душ»: «Решение Никитенко оказалось историческим, принесло неоценимую услугу и Гоголю и русской литературе. И это решение потребовало от Никитенко мужества: как раз ко времени рассмотрения рукописи в Петербурге резко усилился "цензурный террор"»⁸. Как такое было возможно? Ведь время было дикое. Но позиция этого либерала тверда и неизменна: «Главное - быть достойным собственного уважения, все прочее не стоит внимания. Ты иначе воспитался, иным путем шел, чем другие, иною судьбою был руководим и искушаем, а потому имеешь право не уважать их правил и обычаев. Ограничение внешней деятельности умей заменить внутрен-

⁷ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден // Леонтьев К.Н. Избранное. М.: «Рарогъ», «Московский рабочий», 1993. С. 170.

⁸ Манн Ю. В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель – критика – читатель. М.: Книга. 1984. С. 120.

ней деятельностью духа и возделыванием идей. Арена истории не от тебя зависит, но поприще внутреннего мира твое» (1, 317).

А то, что все ходили под жестоким ударом, Никитенко знал прекрасно. Достаточно вспомнить историю с чаадаевским «Философическим письмом», которое тоже поминало о том, что все русские люди живут в стране мертвых душ, а потому мертвеют сами. В своем «Очерке развития русской философии» Г. Шпет писал, что николаевское «общество и государство никогда не могли преодолеть внутреннего страха перед образованностью. Отдельные лица кричали об образовании, угрожали гибелью, рыдали, умоляли, но общество в целом и государство пребывали в невежестве и оставались равнодушны ко всем этим воплям»⁹. Оставались равнодушными, пока их умоляли о необходимости просвещения, но пришли в ужас и взорвались, когда этому равнодушию была дана беспристрастная оценка - в письме Чаадаева. «Письмо это, - писал Герцен, - было завещанием человека, отрекающегося от своих прав не из любви к своим наследникам, но из отвращения; сурово и холодно требует автор от России отчета во всех страданиях, причиняемых ею человеку, который осмеливается выйти из скотского состояния. Он желает знать, что мы покупаем такой ценой, чем заслужили свое положение... Автора упрекали в жестокости, но она-то и является его наибольшей заслугой. Не надобно нас щадить: мы слишком привыкли развлекаться в тюремных стенах»¹⁰. Герцен полагал, что «письмо разбило лед после 14 декабря»¹¹. Но такова была точка зрения революционного мыслителя. Как же реагировали общество и правительство?

Вот наблюдения профессора А.В. Никитенко. 25 ноября он записывал в свой дневник: «Ужасная суматоха в цензуре и в литературе. В 15 номере “Телескопа” напечатана статья под заглавием “Философские письма”. Статья написана прекрасно; автор ее <П.Я.> Чаадаев. Но в ней весь наш русский быт выставлен в самом мрачном свете. Политика, нравственность, даже религия представлены как дикое, уродливое исключение из общих законов человечества. Непостижимо, как цензор <А.В.> Болдырев пропустил ее. <...> Журнал запрещен. Болдырев, который одновременно был профессором и ректором Московского

---

⁹ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 261.

¹⁰ Герцен А.И. Ук. соч. Т. VII. С. 221-222.

¹¹ Там же.

университета, отрешен от всех должностей. Теперь его вместе с <Н.И.> Надеждиным, издателем «Телескопа», везут сюда для ответа» (1, 188). Общество настолько не привыкло к свободному изъявлению мыслей, к тому что человек может позволить себе просто «сам от себя думать», а потом взять и обнародовать свои мысли, что начало искать посторонние цели написания и публикации чаадаевского письма, которые больше бы отвечали логике поведения в условиях самодержавного диктата, подсиживания, бюрократического равнодушия к идеям. Об этом свидетельствует все тот же Никитенко: «Я сегодня был у князя; министр крайне встревожен. Подозревают, что статья напечатана с намерением, и именно для того, чтобы журнал был запрещен и чтобы это подняло шум, подобный тому, который был вызван запрещением «Телеграфа». Думают, что это дело тайной партии» (1, 188).

Правительство скоро разобралось, и на искренность мысли ответило незамедлительно: сорокадвухлетний Чаадаев был объявлен сумасшедшим, тридцатидвухлетний Надеждин сослан в Усть-Сысольск. А цензор, профессор и ректор университета Болдырев (повторим это) был отставлен со всех должностей, т.е. попросту лишился работы. Тем не менее, Никитенко пробивает «Мертвые души» в печать, потом помогает молодому литератору Д.В. Григоровичу опубликовать крамольный по тем временам роман о жизни крепостного мужика «Антон-Горемыка». Впрочем, это желание бывшего крепостного, чтоб была услышана правда, что же такое крепостное право, понятно, но желания мало, нужна была смелость. И смелости Никитенко хватило.

4. Развенчание николаевской легенды

Наши почвенники любят повторять, что легенду о непонимании, о вражде Николая к Пушкину придумали либералы, а царь-де заботился о поэте и его славе. Дневниковые, спокойные строки рассказывают и о том, что поздний Пушкин был ближе людям культуры, либералам-дворянам, либералам-литераторам, либералам-профессорам, чем знатной чиновной черни. И этой связи боялся царь-самодержец, превративший созданную Петром Великим европейскую империю в азиатскую казарму. И дело было не только в ссылках, как торге, солдатчине, а в полном неуважении, в презрении как к русской поэзии, так и русскому обществу. Конечно же, считала власть, поэт-европеец и пони-

мавшие его уцелевшие европейцы не должны были встретиться. Пушкин убит, и царь старается сделать так, будто бы поэта и не было. Запрещались даже некрологи, а далее - свирепая цензура самого царя, изуродовавшая немало пушкинских произведений.

«Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе, - так было означено и на билетах, а между тем тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви. *В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях.* Я не удержался и выразил попечителю свое прискорбие по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! *Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено* (курсив мой. - В.К.). Они тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему» (1, 196).

В дневнике можно увидеть, очевидно, что невольную, но поразительную рифмовку. Речь идет о пушкинском ужасе на кавказской дороге («Путешествие в Арзрум»), когда поэт увидел запряженную волами арбу в сопровождении нескольких грузин, и, поинтересовавшись, что они везут, услышал равнодушный ответ: «Грибоеда»¹². Стоит прочитать строки из дневника Никитенко: «Жена моя возвращалась из Могилева и на одной из станций неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

- Что это такое? - спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

- А Бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит - и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости Господи - как собаку» (1, 197). К этой сценке можно добавить трагические строки сказанные им о судьбе Грибоедова: «Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и не-

---

¹² Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Собр. соч. В 10-ти тт. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1960. С. 434.

любопытны»¹³. Есть эпохи, в которые эти слова - истина. Именно эту эпоху пережила Россия в так называемое «мрачное семилетие».

Также почвенники любят говорить, что именно при Николае мы видим расцвет русской литературы, ведь какие замечательные люди творили тогда. О судьбе Гоголя, Чаадаева, Пушкина вроде бы уже мы уже сказали. Но вот, что дальше видно из дневника профессора о ситуации в русском образованном обществе в эти годы. Николаевский режим оказался катастрофичным для русских образованных людей, в том числе и для либералов, как очевидное вытаптывание тех ростков европейской культуры, которые пытались насадить просвещенные люди едва ли не с эпохи Ивана Грозного (вспомним призыв к законности и правовой защищенности людей в России в письмах дипломата Федора Карпова). И уж, конечно, с реформ Петра. Никитенко в страхе: «Наука бледнеет и прячется. Невежество возводится в систему. Еще немного - и все, в течение полутора лет содеянное Петром и Екатериной, будет вконец низвергнуто, затоптано... И теперь уже простодушные люди со вздохом твердят: “видно, наука и впрямь дело немецкое, а не наше”» (1, 315). Причем любопытно, что удары по российскому просвещению были следствием западноевропейских событий 1848 г. Западный принц шалил, а Россия (русский либерализм) оказывалась мальчиком для битья, поскольку наказать Запад у Николая сил не было. «События на Западе вызвали страшный переполох на Сандвичевых островах. Варварство торжествует там свою дикую победу над умом человеческим, который начинал мыслить, над образованием, которое начинало оперяться». Поэтому, как наблюдал это Никитенко, образование в России и мысль, искавшая в нем опоры, оказались еще столь шаткими, что не вынесли первого же дуновения на них варварства. И с иронией он замечает, что те, которые уже склонялись к тому, чтобы «считать мысль в числе человеческих достоинств и потребностей», теперь опять обратились к бессмыслию и к вере, что одно только то хорошо, что приказано. «Произвол, облеченный властью, в апогее: *никогда еще не почитали его столь законным, как ныне*» (1, 315). Быть может, это-то и было самым страшным для либералов, которые увидели, что произвол может быть облечен в столь важные русскому обществу формы законности, не быть законом (на то он и произвол!), но выглядеть таковым.

---

¹³ Там же. С. 436.

5. *Радикализм как удар по цивилизации*

Реформы Александра Освободителя, казалось бы, утвердили позицию либералов в общественной и политической жизни. Ситуация благоприятствовала умонастроениям Никитенко. По словам Т.Г. Масарика, ««после смерти Николая I цензура, как государственная, так и религиозная, стала мягче и либеральнее. Писатель и цензор А. Никитенко, на себе испытавший гнет крепостничества (он был освобожден своим хозяином графом Шереметьевым по рекомендации Жуковского и других уже после того, как стал известен публике), в своей широко известной работе “Записки и дневник” назвал коронацию Александра II, состоявшуюся 18 февраля 1855 года, поворотным пунктом своей эпохи»¹⁴. Вместе с тем, возникла новая, ранее не ожидавшаяся никем опасность. Появилось в русском обществе движение, которое получило с легкой руки И.С. Тургенева имя «нигилизма», т.е. глобального отрицания всех ценностей культуры и цивилизации. Диапазон нигилизма был велик: от стриженных курсисток, волосатых студентов, страшной «нечаевщины» до тотальной критики Львом Толстым всех структур Российской империи - государства, церкви, армии, искусства, образования, науки и техники, то, что Ленин именовал «срыванием всех и всяческих масок». К этому же призывал и Мих. Бакунин, который в прокламации, написанной в марте 1869 г., обращенной к русской молодежи и использовавшейся Нечаевым, писал: «Итак, молодые друзья, бросайте скорее этот мир, обреченный на гибель, эти университеты, академии и школы, из которых вас гонят теперь и в которых стремились всегда разъединить вас с народом. <...> Не хлопочите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель»¹⁵. Иными словами, духовность, индивидуальность обрекались радикалами на гибель, Петр Верховенский (персонаж, списанный с Нечаева) так изображал готовящееся им будущее: «Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями» (*Бесы*, 10, 322). И, надо сказать, его установка вполне была реализована в большевистской России, где уничтожались филосо-

¹⁴ *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. СПб.: РХГИ, 2000. С.143.

¹⁵ Несколько слов к молодым братьям в России // Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый. М.: Археографический центр, 1997. С. 213.

фы, поэты и художники. Пожалуй, наиболее последовательными защитниками этих европейско-цивилизационных ценностей оказались либералы.

Не вдаваясь в метафизику «бесовщины», как Достоевский, они вместо построения религиозной утопии православия пытались отстоять то, что уже утверждалось в стране - науку, просвещение, правовую систему. «Есть две точки опоры, на которых держится нравственная деятельность народа - *идея чести и религия*. О первой пока нечего у нас говорить: она может развиваться только со временем, вместе с другими плодами, которые нам сулит эмансипация. Религия... Народ наш не получает религиозного образования. Существует еще третья точка опоры, на которой у нас и держалось все, - *страх*, но эта пружина за последнее время сильно заржавела и ослабела; пора заменить ее новой, более целесообразною. Надобно подумать и как можно скорее позаботиться о *нравственно-религиозном* образовании народа. Разумеется, к этому должно быть призвано духовенство. Но увы! Духовенство наше само лишено образования и того духа деятельности, которым совершаются хорошие, общественные дела. Оно само требует подъема» (3,137).

Именно поэтому так опасен был разлившийся в образованном обществе нигилизм, ибо оказалось, что церковь противостоять ему не в силах. А образованные на народ влияют. И первым делом профессора, в том числе и профессор Никитенко, пытались увлечь студенчество из дьявольских лап радикализма. Бывшие радикалы-студенты с иронией вспоминали об этих попытках. Так известный критик «Отечественных записок» А.М. Скабичевский писал: «Когда я пришел к Никитенку представить на его усмотрение кандидатскую диссертацию, он не мог удержаться, чтобы не заговорить со мною о злобе дня.

- Не понимаю, чего хотят студенты? Чего они добиваются? Я полагаю, что университет существует для наук, и студенты должны ходить в него специально для того, чтобы учиться, а не на сходках бушевать»¹⁶.

Мы слышим классическое высказывание человека с помощью науки поднявшегося в образованное общество и понимающего не только эвристическую, но и социальную ценность образования - создания цивилизованного гражданского общества.

---

¹⁶ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.-Л.: «Земля и фабрика», 1928. С. 146-147.

А вот его понимание, что может случиться в России вследствие революционных призывов Герцена и Бакунина, как мы видим теперь, было вполне справедливым: «Поразительное невежество относительно всего, что касается России, ее народного духа, ее нравственных, умственных и материальных средств, видно в каждой фразе. Они требуют от нее, чтобы она для осуществления утопий, выходящих из лондонских типографий, лила кровь как воду. А угодно это России или нет - они о такой безделице не заботятся. Опыт французской резни ничему не научил наших мудрых реформаторов. Он не научил их тому, что ужасы и разбой анархии ведут к диктатуре, да еще такой, хуже которой трудно себе что-нибудь представить, - к диктатуре реакционной, вооруженной, вместо вырванного ею из рук анархии ножа, мечом и секирою палача. И неужели в самом деле это проповедует Герцен?» (2, 209).

Поразительна эволюция западника Герцена, сторонника просвещения и гуманности, прожившего вдали от России, раздражившегося «плохой» революционностью Запада, в ослеплении собственной значительности и тщеславия начавшего тотальную критику российского реформировавшегося государства, а потому призывавшего к насилию, к топору (его друг Огарев восклицал «К топору зовите Русь!»). Причины подобной эволюции объяснять здесь не место, но вот в возражениях ему можно увидеть суть конфликта. Великий историк Б.Н. Чичерин, ученый так называемого консервативно-либерального склада мыслей, в 1859 г. в «Колоколе» опубликовал «Письмо к издателю», которое, надо отдать ему должное, Герцен напечатал, ибо слишком был уверен в своей победе. Чичерин писал: «Мы слышим от Вас не слово разума, а слово страсти. Вы сами в этом сознаетесь; мало того, Вы даже с некоторым удовольствием выставляете это напоказ и с презрением отзываетесь о людях обдуманых, точных, которые, не увлекаясь сами, не увлекают и других. <...> Вспомните еще раз, в какую эпоху мы живем. У нас совершаются великие гражданские преобразования, распутываются отношения, созданные веками. Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующие стремления, согласить враждебные интересы, развязать вековые узлы. <...> Гражданственность, просвещение не представляются Вам драгоценным растением, которое надо заботливо насаждать и терпеливо лелеять как лучший дар общественной жизни. Пусть все это унесется в роковой борьбе, пусть вместо уважения к праву и к закону водворится при-

вычка хвататься за топор – Вы об этом мало тревожитесь. <...> Прежде нежели что-либо успело совершиться, Вы уже забили тревогу, Вы от восторга перескочили к отчаянию: все пропало – правительство пошло назад; крестьяне точите топор! Что же случилось в этот промежуток? Закрыты ли комитеты? Изменены ли существенные условия преобразования? Ничуть не бывало!»¹⁷. А впереди и впрямь было еще освобождение крестьян и другие великие реформы, чего радикалы с их неисторическим сознанием видеть не желали.

В этот момент происходит столкновение Герцена и ученика Никитенко демократа Чернышевского, сохранившего, возможно, благодаря учителю представление о необходимости постепенного развития общества. Волонтаризм герценовской позиции сказался и в его призывах 1861 года в «Колоколе». Это было время разрозненных крестьянских бунтов, студенческих волнений, жестоко и кроваво подавляемых властью. Чернышевский в своей знаменитой прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» пытался успокоить, охладить бунтарей: «Мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтобы вы себя берегли»¹⁸. В этом контексте обращения Герцена к студенчеству звучали крайне радикально и безжалостно: «Не жалейте вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей истории»¹⁹. Именно это вызывало наибольшее раздражение Никитенко. Никому ведь не дано было знать, что поздний Герцен отречется в «Письмах старому товарищу» и от Огарева, звавшего Русь к топору, и уж тем более от Бакунина и Нечаева, проповедовавших ненависть к образованию. Исторически либерал Никитенко оказался более прав, ибо позднее раскаяние не всегда исправляет содеянное. «Не пришлось бы нам удивить мир бессмыслием наших драк, наших пожаров, нашего поклонения беглому апостолу Герцену, из Лондона, из безопасного приюта командующему на русских площадях бунтующими мальчиками» (2, 279). Пришло время, и удивили.

6. Понимание происходящего

¹⁷ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов // Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 367-369. Книга «Несколько современных вопросов», куда вошла цитируемая статья, была выпущена Чичериным в 1862 г.

¹⁸ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. VII. М.: ГИХЛ, 1950. С. 524.

Есть весьма устойчивая точка зрения, что либералы не понимали русский народ, были далеки от его греховной сути. Но вчитаемся в страницы дневника и увидим, что понимания не меньше, чем у Достоевского. В сущности Никитенко пишет почти словами Достоевского, во всяком тема та же, о том, что нет укорененного представления о законе и нравственных ценностях, что Россия переживает полное нравственное растрение своего населения: «Поджоги у нас делаются чем-то вроде мании, чем-то вроде препровождения времени. Недавно поймали одного поджигателя. У него спросили, что побудило его к поджогу: мщение, желание воровать? Он отвечал, что ни то, ни другое, а он поджег так, и сам не знает, почему. Другой сам донес на себя и на подобные вопросы отвечал таким же образом. Вот широкая натура! Однакож, что это такое? <И.С.> Аксаков скажет, что это - великие силы великой национальности, не направленные как должно и потому проявляющие в себе преимущественно элементы разрушения. А в сущности, я думаю, это объясняется проще. Русский человек в настоящий момент не знает ни права, ни закона. Вся мораль его основана на случайном чувстве добродушия, которое, не будучи ни развито, ни утверждено ни на каком сознательном начале, иногда действует, а иногда заглушается другими, более дикими инстинктами. Единственную узду его до сих пор был страх. Теперь страх этот снят с его души. Слабость существующей еще над ним правительственной опеки такова, что он опеку эту в грош не ставит. Безднаказанность при полном отсутствии нравственных устоев подстрекает его к подвигам, которые он считает простым молодечеством, а нередко и корысть руководит им... Безднаказанность и “дешевка” - вот где семя этой деморализации, которая свирепствует в нашем народе и превращает его в зверя, несмотря на его прекрасные способности и многие хорошие свойства» (2, 469).

А уж бытовые сюжеты, которые, как полагали многие критики, такие писатели, как Достоевский, просто сочиняли, оказывается существовали в самой доподлинной действительности. Все помнят, как герой романа «Бесы» Ставрогин попросил губернатора наклониться к нему, чтобы-де нечто шепнуть на ухо. Бедолага наклонился и едва не поплатился ухом, в которое Ставрогин впился зубами. Ну, конечно же, выдумка, да и дурная, скажут ревнитель хорошего тона. Но вот вам запись в дневнике абсолютного реалиста профессора Никитенко:

---

¹⁹ Герцен А.И. Соч. В 30-ти т. Т. XV. С. 185.

«Страшное и гнусное злодейство. Студент Медицинской академии женился на молодой и милой девушке, но вскоре начал ее ревновать и даже задумал ее убить, поразив ее толстою булавкою во время сна. Но это ему не удалось: она проснулась в ту минуту, когда он готовился вонзить ей булавку в шею. Произошла страшная сцена, и молодая женщина ушла к отцу. Спустя некоторое время студент прикинулся раскаивающимся. Он явился к отцу и матери своей жены и начал умолять последнюю о прощении. Последняя после некоторого сопротивления, наконец, уступила и когда в знак примирения согласилась его поцеловать, он откусил ей нос. Несчастливая молодая женщина теперь в клинике, и неизвестно, что с нею будет. Каковы у нас нравы!» (2, 547).

Что вам не Ставрогинские фокусы - добавлю я!

Не менее ясно ему и то, что российская бюрократия не желает реформ, ибо все сливки, какие можно было от реформ получить, уже получены, и все дальнейшее чревато неожиданностью. А потому он прекрасно понимал причины, вызывающие оппозиционное движение: «Настоящий глубокий смысл движения нашей интеллигенции в настоящее время есть без сомнения вопиющая необходимость *ограничения правительственного произвола и утверждения законности* как в умах, так и на деле. Без этого все реформы, самые благодетельные, будут строиться на песке». С тоской писал он, что по-прежнему кроме императора-освободителя в верхних эшелонах власти нет никого, кого всерьез заботили бы судьбы страны: «Если между нашими правительственными лицами есть кто-нибудь, искренно желающий блага для России, то это один Государь» (3, 52). Другое дело, что так называемая образованная» молодежь, переходящая за грань оппозиционности к радикализму еще губительнее для возможного цивилизационного развития России: «Эти жалкие молодые люди, бросившиеся сломя голову в омут революционных замыслов и покушений, сделали огромное зло России: они по крайней мере на полвека отодвинули ее от истинного просвещения, свободы и разных улучшений» (3,52).

7. «Мыслить и страдать»

Утверждают также, что либералы далеки от понимания сложности и трагедийности мышления. Но вот выпишем у Никитенко вполне шекспиров-гамлетовские, а если угодно, Достоевские, рассуждения о мысли: «Где мысль,

там и страдание, - но там же должно быть и врачевание зла» (1, 356). Невольно приходит на память и знаменитая строка Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

Только мыслитель, понимающий сложность существования человеческого духа, мог так сказать: «Истинная человечность в том, чтоб в каждом человеке уважать его особенности, его личность» (1, 395). И именно эта позиция привела его к формулировке кредо, которое стоило бы усвоить и в наше время отечественным государственным деятелям, думающим строить европейское государство. Поводом к рассуждению Никитенко послужили патриотические стихи, написанные в конце Николаевского царствования (1854), в общем-то неплохой поэтессы Каролины Павловой: «<К.К.> Павлова, написавшая “Разговор в Кремле”, ужасно хвастает фразой: “Пусть гибнут наши имена - да возвеличится Россия”. Любовь к отечеству - чувство похвальное, что и говорить. Но выражение этой любви хорошо, когда оно истинно, когда оно не пустая звонкая фраза, а мысль реальная и верная. Сказать: “пусть гибнут наши имена, лишь бы возвеличилось отечество”, значит сказать великолепную нелепость. *Отечество возвеличивается именно сынами избранными, доблестными, даровитыми, которые не гибнут без смысла, без достоинства и самоуважения* (курсив мой. - В.К.). Оно первое чтит славные имена этих сынов, сохраняет их в своей благодарной памяти как святыню и гордится ими, указывая на них грядущим поколениям как на образец для подражания. То, что говорит Павлова, - гипербола и фальшь» (1, 389)²⁰. Мысль очевидно выношенная и выстраданная, приобретающая чеканную формулировку. Воистину прав оказался Самарин, написавший о Никитенко, «что слова его врезаются в память».

Но эти доблестные и избранные сыны должны иметь силу духа, способность противостоять всем внешним давлениям: «Жить научает одна только жизнь. В настоящее время недостаточно одной обыкновенной твердости. Нужно

²⁰ Стоит, наверно, привести несколько строк из этого стихотворения:

Сердца народа согревая,
В них здесь глубоко вмещено
Одно лишь имя: Русь святая!
И не забудется оно.

.....

Мы говорили в дни Батыя,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,

геройство, чтобы спасти в себе святые верования и не дать угаснуть в себе искре Божьей» (1, 359). Иными словами, по Никитенко получается, что быть либералом-постепеновцем - позиция более героическая, чем позиция любого революционера или тем более террориста-камикадзе. «Истинная человечность в том, чтоб в каждом человеке уважать его особенности, его личность» (1, 395). Либерализм требует постоянной душевной и духовной работы, которая предполагает уважение к Другому, к жизни и достоинству любого человека, предполагает, что жизнь не стабильна и на любое представление о том, что хуже не бывает (позиция радикала), может ответить ухудшением еще большим: «Никогда не унывай в настоящей скорби, помня, что ты еще счастлив тем, что с тобой не случилось хуже, ибо худшее всегда возможно» (1, 365).

Метафизические глубины были вполне доступны этому, казалось бы, позитивистски ориентированному либеральному уму. «Мир без провидения - какая страшная, бесконечная пустыня при всем разнообразии и обилии жизненных процессов, сил, явлений! Это все равно, что огромный дом, наполненный слугами и гостями без хозяина; или корабль, брошенный в неизмеримый океан без кормчего, без компаса, преданный бурям и обреченный погибнуть, не зная пристани и никакой цели своего блуждания; или это мастерская, в которой работают тысячи рук, машин без мастера, который бы в работах этих рук и этих машин видел исполнение какого-то предприятия. Наконец, это чудовищное тело с костями, кровью, дышащее и движущееся, но лишенное души, - живой мертвец» (3, 169). И это проясняет нам серьезность переживания бытия, которые таились в либерализме, и вполне отвечали религиозно-нравственным исканиям русской культуры. Только вели они не к утопическим построениям, которые оборачиваются порой крайним экстремизмом, как в случае Льва Толстого, любимца большевиков, а к попытке выстроить эволюционную позицию, что, не отменяя развития, избегала бы социальных катаклизмов.

Мережковский написал о Никитенко: «Несмотря на все испытания, все искушения, - а их, видит Бог, было много, - остается он до конца дней своих либеральным постепеновцем»²¹. И в этом его великая заслуга перед русской культурой, видевшей слишком много героических радикалов. Пожалуй, пришла по-

---

И гибнут наши имена!

²¹ Мережковский Д.С. Свинья Матушка. С. 11.

ра оценить героизм деятелей русского образования, русских либералов, посвятивших всю свою жизнь просвещению и цивилизации России. Даже в те моменты, когда они сомневались в том, что дело Петра удержится в России: «Петр Великий, как крепкий жернов, перемолол в муку зерна нашей народности и положил в нее закваску европейского белого хлеба. С тех пор наша общественность бродит и пузырится. Когда она дойдет до того, чтобы из нее образовалось здоровое тесто и спечен был вкусный русский хлеб с европейскою закваскою, - Богу известно» (3, 275).

Хотелось бы закончить этот текст словами позднего Никитенко, в которых он выразил нравственное кредо русского классического либерализма. Слишком много натерпелась Россия от разного рода абсолютизмов - и не только политических, хотя в конечном счете любой абсолютизм в науке ли, или в искусстве, сводился к определенному типу политического абсолютизма. Прислушаемся же к тому, что говорил в XIX веке человек, которого тогда так толком и не услышали: «Я всегда был врагом всяких крайностей, исключая тех минутных увлечений, когда меня поражала какая-нибудь несправедливость и побуждала к неумеренным излипаниям моих чувств. Главное начало, служащее основанием моего мировоззрения есть *закон уравнивания*. Он господствует в природе и должен господствовать в отношениях людей в общественном строе, во всем, где человеку приходится мыслить и действовать.

Я враг всякого абсолютизма, будь он политический, умственный, абсолютизм системы или мнения. Мнение или идея, старающаяся поглотить все другие и присвоить себе господство над умами, мне так же противна, как и власть, которая хочет подклонить под свое иго всех людей с их действиями и правами» (3, 227).

Тогда не прислушались. И не услышали. А не услышали потому, что стоик может быть примером жизнеповедения, но не политическим лидером. Вместе с тем эта нравственная окраска придает особое - и достойное - измерение позиции русских либералов.